песен, переведенных Челаковским в издании «Славянских народных песен».[6]

Однако не было еще выяснено, в каком отношении находятся песни, подобранные Челаковским, к остальным песням сборника Чулкова, т. е. совпадали ли художественные планы обоих собирателей и в какой мере вместе с песнями заимствован также принцип выбора и составления «разных песен». Этому вопросу и посвящена наша статья.

Челаковский нигде не упоминает имени Чулкова как автора «Собрания разных песен». В письмах он несколько раз говорит о сборнике, переписывает в своих письмах его песни, печатает их вместе с переводом на чешский язык в собрании «Славянские народные песни»,[7] однако он никогда не называет их собирателя. Интересно, что в примечании к первой русской песне третьего тома «Славянских народных песен» он говорит об «издателе Абевеги русских суеверий», опять-таки не называя его имени, хотя известно, что это Чулков. Это неудивительно, так как Чулков, автор романов и известный литератор 70-х годов XVIII в., был в начале XIX в. забыт,[8] и его имя как издателя сборника песен обычно уже не упоминалось. В переизданном Новиковым «Собрании разных песен» имя Чулкова также не приводится.

Данный факт способствовал тому, что Челаковский, не чувствуя себя обязанным учитывать художественный замысел этого издателя, выбирал из сборника Чулкова то, что отвечало его собственному художественному замыслу, определенному преимущественно романтическим предпочтением народной песни песне литературной. Таким образом, собранные Чулковым народные песни очутились в совершенно новом контексте и получили другое значение по сравнению с тем, какое придавал им Чулков в своем собрании.

Не будучи романтиком, Чулков не вносил в свое отношение к народной песне идеализации и возвеличения, которые типичны для романтизма. Напротив, Чулков, не подчеркивая своеобразия русских народных песен, в соответствии с духом Просвещения собирал народные песни наравне с литературными, он печатал их рядом с теми, которые создавались под влиянием французской и немецкой поэзии. В отношении Чулкова к народной песне проявилась прежде всего точка зрения человека среднего сословия, для которого народная песня — предмет не эстетического изуче-

---

[6] Máchal J. F. L. Čelakovského Ohlasy písní ruských. — Listy filologické, Praha, 1899, ročn, 26, s. 200, 212; Horák J. Drobné příspěvky národopisné. — Národopisný věstník Československý, ročn. IX, Praha, 1914, s. 124; Никольский С. В. К вопросу о знакомстве Ф. Л. Челаковского с русской фольклористикой начала XIX века. — Уч. зап. Инст. славяноведения, т. I, М.—Л., 1949, 359—366.

[7] Slovanské národní písně, díl III. Praha, 1827, s. 226.

[8] О том, как трудно открывались сведения о жизни и творчестве М. Чулкова, пишет В. Шкловский (см.: Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933).